

Распространение слухов: политико-психологический анализ коммуникативного феномена

ГБОУ ВПО Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России

Резюме

Статья посвящена изучению психологической природы распространения слухов. Коммуникационный феномен слухов анализируется на примере массовой паники, охватившей саратовцев в декабре 2009 года.

Ключевые слова: слухи, паника, политическая психология, коммуникация

Динамика распространения слухов и их последствия, например, в виде массовой паники продолжают оставаться значимой проблемой не только в научном плане, но и как предмет правового и социального управления. Это, в частности, показали события ноября 2004 года, когда после недостоверных сообщений о выброс радиации на Балаковской АЭС паника охватила несколько регионов – Саратовскую, Самарскую, Пензенскую, Нижегородскую области, а также Мордовию. Жители в массовом порядке скупали в аптеке йодосодержащие препараты и запасали питьевую воду, рабочие оставляли свои предприятия, чтобы «уберечь» свои семьи от опасности.

По мнению Д.С. Горбатова и С.Н. Большакова [2], существующие на настоящий момент попытки классифицировать слухи «не являются исчерпывающими», и пока «преждевременно» говорить о возможности «упорядоченной классификации» данного феномена. Так, например, при попытке разграничить слухи по содержанию - политические, экономические, экологические, бытовые, организационные, криминальные и прочие - «не всегда удается провести четкую грань между различными сторонами общественной жизни». Что касается критерия пространственных характеристик слухов (локальные, региональные, национальные и межнациональные), то здесь в попытки классификации вмешиваются результаты технического прогресса в сфере дистанционных средств коммуникации: локальное сообщение благодаря возможностям интернета быстро перестают быть таковым, приобретая более широкий масштаб вплоть до межнациональных.

Более определенными и продуктивными выглядят попытки выявления факторов распространения слухов. Отправной точкой научных исследований в этом направлении стала предложенная после Второй мировой войны Г. Олпортом и Л. Постманом формула «основного закона слуха», исходившей из двух факторов. Согласно данной схеме, распространение неподтвержденной информации по каналам неформальной коммуникации ($R - rumor$; в формуле - интенсивность слухообразования или «количество слуха» в обращении) эквивалентно произведению I (importance - важность, значимость сообщения) на A (ambiguous – неясность и неоднозначность имеющихся сведений) [3].

Позднее А. Хорэс дополнил формулу, включив в нее переменную C , отражающую «человеческий фактор», куда относятся критические способности, психологическая проницательность, социальный интеллект и другие различия распространителей неподтвержденной информации. Между тем отмеченные варианты переменных должны учитываться в зависимости от конкретных ситуаций, и на практике они могут варьироваться со значительной степенью случайности.

Опираясь на эмпирические исследования, Р. Росноу сформулировал четыре фактора (этот перечень не является исчерпывающим), способствующих возникновению и распространению слухов: общая неуверенность или повсеместная атмосфера неопределенности, неизвестности, дезориентации в сути происходящего; вовлеченность в значимые последствия, переживание собственной причастности к прогнозируемым результатам обсуждаемых событий; индивидуальная тревога или личное беспокойство, острое или хроническое эмоциональное состояние, связанное с предчувствием приближения потенциально неутешительных последствий; легкое доверие или доверие сообщению, убеждение в правдивости или, по крайней мере, правдоподобию его содержания. Иными словами, благоприятной средой для генерации и воспроизводства неподтвержденной информации является ситуация, когда люди сомневаются и тревожатся о предмете, лично относящемся к ним, и когда слух кажется вероятным в восприятии тех, кто вовлечен в его распространение.

Вместе с тем отечественные исследователи несколько смещают акценты в предложенной Г. Олпортом и Л. Постманом формуле. Е.В. Осетрова [4] обращает внимание на то, что важность события трансформируется в интерес к теме, а неясность и неоднозначность имеющихся сведений – в дефицит «надежной» информации. Именно эти составляющие «определяют успешную циркуляцию по устным коммуникативным каналам актуальной для аудитории информации, сведения о которой, поступающие, например, из официальных каналов, недостаточны или противоречивы и не вызывают доверия у массового адресата».

В качестве сопутствующих факторов Осетровой указывается личностный статус, прямо связанного с выгодной ролевой позицией человека, передающего слух («лидер мнений» будет более эффективен в распространении неподтвержденной информации), и фактор эмоционального баланса, позволяющий социальной группе сбалансировать собственное внутреннее эмоциональное состояние, адаптировать его к изменившейся реальности (слух либо снимает чрезмерное эмоциональное напряжение накопленное группой, либо эмоционально заряжает ее). Именно в последнем случае, когда слухи порождают страх, фобии, дискомфортное состояние, они могут породить панические массовые действия – неповиновение власти, погромы, массовые движения, спонтанную скупку товаров и другие явления. Ярким примером того, как слухи инициируют массовую панику, является ситуация, сложившаяся в Саратове в начале декабря 2009 года.

В конце ноября – начале декабря 2009 года Саратов наводнили панические слухи о якобы свирепствующей в городе легочной чуме. На фоне высокой смертности от «свиного гриппа» в областном центре стали циркулировать слухи о сокрытии властями масштабов эпидемии, числе летальных исходов и опасности заболевания. 2 декабря 2009 г. стала курсировать информация о предстоящей дезинфекции с использованием воздушных судов и закрытии выезда из города. Это привело к настоящей панике (пытавшиеся выяснить подробности предстоящих мероприятий и предупредить родственников жители «перегрузили» сети

сотовых операторов): улицы Саратова опустели, граждан отпускали с работы, чтобы те успели запастись с водой и забаррикадироваться в квартирах.

Большую роль в распространении паники сыграли интернет-форумы информагентств и соцсети. Примеры сообщений пользователей интернета: «На ТЭЦ-5 по громкой связи объявили о распылении в городе дезинфицирующего раствора!», «У меня мама врач, действительно умирают люди в очень больших количествах. Насчет опрыскивания не уверена, но то, что в моргах места мало, это точно», «После того, как якобы взорвали поезд, верить, что нас оповестят о какой либо катастрофе – не верю!!!», «Знакомый полковник сказал: к городу стягивают войска», «В Энгельсе готовят к вылету эскадрилью, в 20:00 привезут реактивы».

Правоохранительные органы попытались возложить вину в распространении данных об эпидемии легочной чумы на 22-летнего студента Саратовского государственного медицинского государственного университета Ивана Перегородиева, который разместил в своем блоге на «Живом журнале» пост следующего содержания: «Результаты вскрытия саратовцев, скончавшихся от свиного гриппа, схожи с описанием в медицинской литературе с результатами вскрытия больных легочной чумой. Сегодня в Саратове планируют распылять реагенты против легочной чумы с самолетов». Первоначально в его действиях были усмотрены признаки состава преступления по статье 207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма), однако никаких значимых процессуальных результатов его уголовное преследование не имело. Помимо студента СГМУ власть пыталась обвинить в случившемся средства массовой информации, которые якобы публиковали непроверенную информацию. Так администрация Саратова направила обращение в прокуратуру с просьбой «дать правовую оценку» дезинформаторам. «Данные действия СМИ носят провокационный характер, поскольку дестабилизируют в городе обстановку, которая и без того, в связи с эпидемией «свиного гриппа», является напряженной. Поскольку упомянутые слухи распространялись под видом достоверной информации, более того, со ссылкой на так называемые «источники» (радио ТЭЦ-5, областная служба спасения, милиция и т.п.), действиями лиц, распространявших эту недостоверную информацию, была спровоцирована паника среди населения города: люди боялись выйти на улицу, пить воду, и т.п. Закон обязывает журналиста проверять достоверность сообщений, поэтому действия конкретных лиц, виновных в распространении провокационных сведений <...> необходимо пресекать законными методами», - отмечалось в обращении [7]. Тем не менее, никаких правовых последствий для журналистов указанный документ также не имел.

Таким образом, слухи - один из способов осмысления происшествий, оценки событий. Слухи могут служить одним из «орудиев» психологической войны, средством достижения корыстных целей, инструментом манипуляций. Однако негативная коннотация в определении феномена слухов упрощает, но не проясняет природы и генеалогии слухов. Анализ ситуации с распространением слухов в 2009 году о якобы свирепствующей в Саратове «легочной чуме» показал следующее. По сути, слухи представляют собой неподтвержденные фактами мессенджи, транслируемые по неофициальным каналам (как в устной, так и в письменной форме) в ситуациях проблемного характера, и претендующие на статус новостей, отражающих действительность.

Литература

1. Горбатов Д.С. Психология слухов и сплетен. СПб., 2012.
2. Горбатов Д.С., Большаков С.Н. Слухи в зарубежной социологии: теоретические подходы // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 98-107.
3. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. Под общей редакцией Л.А. Леонтьева — М.: Смысл, 2002. - 462 с.
4. Осетрова Е.В. Возникновение, обращение и факторы развития слухов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. №1. С. 170-176.
5. Chorus A. The basic law of rumor // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1952. Vol. 48. P. 313-314.
6. Rosnow R.L. Rumor and gossip in interpersonal interaction and beyond: A social exchange perspective // Behaving badly: Aversive behaviors in interpersonal relationships / Ed. R.M. Kowalski. Washington, 2001. P. 203-232.
7. <http://www.interfax.ru/russia/113122>